

Додатокъ къ З-мд №мр8 „ЛІСТКА“ 1891.

Полезныа знанїа для оугро-рѣсскаго народа.

Теперь маєници, часъ веселый; люде сватаютъ, свадьбуютъ, танцуютъ, пьютъ, веселятса. Боже! сколько грѣхъ позатагиаютъ люде черезъ маєници на свою бѣдную душу! сколько шкоды надѣлаютъ самыи себѣ! сколько дѣдочокъ разтратятъ, сколько богатства нагонятъ въ жидокскія кешени (карманы)!

„Что чинишь, чини мѣдроши позирай, что изъ тогш выйдеть“, говорить латинскаа пословица. Ци такъ чините вы дорогіи братъ? Я такъ исквистъ, что вы дѣлаете много не мѣдрогш чините черезъ маєници, а нѣакъ не позираете, что изъ тогш выйдеть.

Попозирайте лишь на свадьбѣ, такъ вы єе штраклауете. Передъ вѣнчаньемъ сѣть оу вагъ такъ зовомыа „гѣски“. Въ хижѣ, где єсть свадьба, походите всѣ битангшина изъ села.

Черезъ цѣлѣ ночь пьють, кричатъ, кѣзгыдныѧ
бѣгѣды говорятъ, и вѣлкія пасквилька чинять,
ображаютъ Бога, — а потомъ дрѣгагош дна
идти въ церковь и хотать, чтобы Богъ благо-
гословилъ молодатъ, чтобы дать имъ благо-
дать свою и счастливую жизнь! Та ци розумиш-
тотш, ображати и сердити на себѣ Тогш, шть
когш хочеме милостъ получити? Ци може гъ,
хоть и вѣклагій — Богъ милостилихъ окомъ
позирати на тѣхъ, которїи черезъ всю ночь
грѣшили, чортѣ лѣжили, а дрѣгогош дна пришли
милости просити шть Негш, бо притиска на
тотѣ милостъ, ко кидатъ, что безъ той ми-
лости не могуть жити? Нѣтъ, дорогіи братья,
Богъ ніжка не забава ваша, съ Нимъ не можъ
фигли строити, ємѣ не можъ гладитися! А
кѣдь вы, черезъ цѣлѣю ночь чортѣ лѣжили, а
дрѣгій день, — да котри даже пьяны, — мо-
литися и помощи просите шть Бога, та ци
не гладитися вы тѣмъ благомъ Богомъ? ци не
искочтаєте Отца вашего небеснаго?

Но, я такъ думаю, Вы знаете, чго іздѣл-
жество есть една изъ сеmь тайнъ новаго за-
вѣта. Кѣдь іздѣлжество есть тайна, тогда
молодата должны пріимати тотѣ тайны къ
благодатномъ істогоанїи, для тогш они испо-
вѣдаются и причащаются предъ вѣнчанїемъ. А

ЧТО ДѢЛАЕТСЯ НА Г҃СКАХЪ? Больше грѣхъ чеї
никогда не дѣлаєтса, такъ именнш въ сей часъ.
А кто причина ихъ грѣхшвъ? Поглѣднаа при-
чина сами молодата, ибо они свадьбють, и
такъ черезъ нихъ оутроаютса и г҃ски: кобы
не было свадьбы, не было бы и г҃окъ, не было
бы грѣхъ. И такъ, хоть бы они сами и не
грѣшили, — что єдва-ли стаетса, — єднакш
они ёсть причиною чужихъ грѣхшвъ, на нихъ
взкалаютса чужїи грѣхи! Трудно вѣрити, чтобы
они въ такихъ обстоятельствахъ находилися
въ благодати и милости Божїей. А кедъ они
не находатса въ милости Божїей, и такъ при-
нимаютъ таинство спрѣжества, тогда они
принимаютъ тайню недостойнш и совершаютъ
святотатство т. е. хотятъ оукрасти благодать
и милость Божїю, и затагибаютъ на душу свою
великїй грѣхъ. Та ци можнш разуминш надѣлтиса,
чтобы на такихъ святотатцехъ изольдалъ Богъ
милости и щедроты свои? чтобы даль имъ любовь,
согласїе, чтобы сдѣлать жизнь ихъ счастливою?

Родители! не дозволите въ домахъ ва-
шихъ штиравлати г҃ски, Г҃камъ радуетса лишь
чортъ и жидъ. Чортъ, бо на г҃скахъ гибнуть
дushi человѣчески; а жидъ, бо на г҃скахъ бы-
пъетса многш паленчищи, и многш дѣдочекъ
повандреутъ въ мошню жидовск.

Айко вамъ дороги братъя не дотга тогш,
что оустроите гости и пьянствуете черезъ цѣлую ночь и цѣлый день, коли оу вагъ скадьба;
вы свадьбуете черезъ цѣлый тыждень. По свадьбе
оу вагъ „гостины“, и оу молодагш и оу моло-
дой „пропон“; и кто бы могъ изучилити
всѣ тоты церемоніи, съ которыми вы кончите
скадьб? колько паленчиши вы пропьете черезъ
тыждень, ако и черезъ два? Не єденъ газда
позадъ такой свадьбы задовжить, частш и до
50—60 золотовокъ. Въ часъ свадьбы пропьють,
проехать вшытко, бѣднїи молодата изой-
дти, а по свадьбе не что въ ротъ взати,
а корчмаръ кереть послѣднюю корову за паленку.
Сей, дороги братъя, кобы оу вагъ былъ раздмъ,
вы не тратили бы свой кровавый маєтокъ на
таки церемоніи; не клали бы корчмарей на ноги,
а штдали бы колїй дѣтамъ скомъ то, что
пропиваєте, чтоки бѣднїи дѣти мали чѣмъ
зачати газдовати.

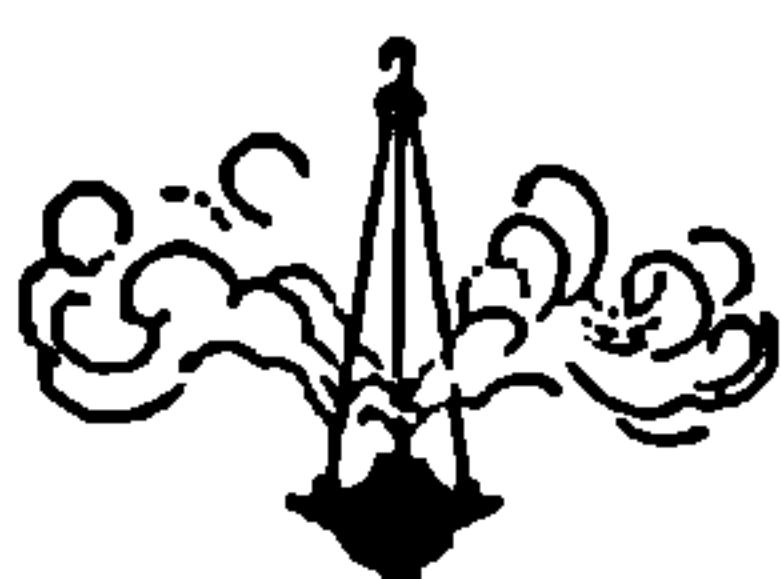
Но въ маєницы штправляете вы не лишь
свадьбы; вы оустроите гостины, балы: кѣмы
не суть крижмы, молодїи легини танцвали
бы. — И гостины и балы совершаютса съ пьян-
ствомъ и грѣхомъ. Ходите гойкавчи, вѣвка-
ючи и къ день и въ ночи; говорите безчестныя
бесѣды, на конецъ начнете вадитися, покистаютъ

бѣйки и драки; не єдномѣдь провалить голову, скрышатъ рѣки, ноги; да чисто трафлаетса, чѣго и оубьють на смерть, — зачинаетса право, темница, — а бѣдна жона отаетса безъ мѣжа, дѣти сиротами!

Та ци такъ має жити честный христіанскій народъ? Ко бы да жії образованный человѣкъ издалека призирали на ваши сады, на вашъ крикъ и гойкъ, на ваши бѣйки, — та дѣмали бы, чѣго сеє дикій людѣ, чѣго сеє индіаны. А знаете-ли, чѣто по причинѣ вашихъ гостинъ, каловъ, криковъ, гойковъ дѣже легкѡ можете зайти въ бѣдѣ? Бо на улицахъ гойкати, кричати, павитися въ пьяному гостюніи, и битися не скокодиш. На такихъ людѣй, котоїи на улицѣ, въ корчмѣ, или где-то поближнѣ бываютса, законъ (75. §.) прописуетъ карб-арестъ до 8 дній и 50 золотовый штрафъ; а на такихъ людѣй, котоїи на поближнѣмъ мѣстѣ плаватса въ пьяному гостюніи, законъ (84. §.) налагаетъ 25. золотовую карб. — Видите, добрій людѣ, такъ легкѡ вамъ найти себѣ баламутѣ, кѣдѣ не миркуете на себѣ, а ходите по гостинкамъ въ пьяному гостюніи, такъ маслаговатыя рыбы.

Не забывайте, дорогій братъ, чѣто вѣдь вы отворены на образъ Божій, чѣто твой образъ

Божій не вібодніш намъ обгнезгти, и дѣлатися подобными безговенныи скотамъ! — Не вібодніш намъ марнити и тратити имѣнїе свое, которое намъ Богъ не для тогш далъ, чтобы дѣлать имъ соблазни; но для тогш, чтобы нѣчто доброе оучинити. Сё, еслибы кы принали къ сердцю мои слова и жили и дѣлали такъ, чтобы не быти на смѣхъ иносплеменникамъ; но чтобы прославлялося въ вагъ имѧ Отца нашегш небеснагш!



Разсказы и советы дѣда Данила.

Въ селѣ Т. . . готовилися праздновати храмовыи праздникъ, который громадне шткывали на Василья. Жоны харили скони хижинны: позалѣплювали облупанныя стѣны, бѣлили бѣлою глиной, а дакотри и известью; дѣвчата рамили подолки, вышивали сорочки, низали монисто, мыли ширинки, чтокы въ храмовыи праздникъ въ церкви чистенкш, прибрали явитися. Мѣжчини опять дѣлали свое дѣло: посхоживалися и стояли передъ корчмой, чейбы дашто стокинти съ паленки.

— Стрѣлю ты, пропавъ бесь, — заговорилъ бирокъ (сельскій голова), — тадь черезъ цѣлый рѣкъ не продаешь

только паленчищи, такъ сегш днѧ, та ци токї не дosta
тридцать країцаровъ за литеrъ? (Въ Т... продавалася
паленка по горокъ креїцарамъ.)

— Я бы давъ, кобы мозъ. Яй, вай, та ци вы не
знаете бирюкъ, такій великий теперь акцизъ! а така велика
аренда! Сой йойой!

— Исчезъ бись пархъ, тадъ ячей мы знаеме, такъ
ты крестишъ паленкъ. Хиба лишь пахне паленковъ, —
чиста вода!

— Яй, вай, та ци оу мене така поцливость? Де
дакътъ лѣпсъ паленкъ, такъ та?

— Та ци вы, честни газдове не могли бы окста-
тися про паленкъ? — заговорилъ дѣдъ Данило.

— Эй дѣдъ, оу васъ такое чуднаки гадки. Та хто
цвкъ праздникъ безъ паленки?

— Ты пархъ на івдій млинъ направляшь водъ, —
штвѣчалъ Данило, — а та того копрошавъ честни газ-
дове, ци чуди вы даколи, обы паленковъ Бога хвалити?

— Оно, правда, штвѣчалъ бирюкъ, Богъ паленковъ
не хвалити; айбо коли оу насъ оуже такій звичай, по-
гостити честныхъ тогїдвъ. — Што бы говоривъ івѣтъ,
коли бы розголосили, что оу насъ не было ніякой го-
тины?

— Правда, сказали Данило, — и отцы наши гостили
тогїдвъ; бывало походжуватися на праздникъ ници изъ
цѣлогш окрѹга. Громадане поїждали тѣхъ за столъ, да-
воть имъ єсти, а коли наїтилися, помолатися и розый-
дуться съ миромъ. Сєє такъ было, дуже добре паматавъ,
коли та легиньомъ (паробкомъ) бывъ. Айбо за паленкъ не
было тамъ єсти — дахъ.

— Та скажить іами, дѣд, ци можъ безъ паленки покеселитися?

— Сй, шй бирове, вижд, ты блоднишь, не розумієшъ дѣло. Та ци праздникъ дѣла тогш, обы веселитися? Та кокы єще честнш веселилиса, та бы ничъ; айбо пьють, кидатися, къютися и въ тотъ єденъ день больше нагрѣшать, якъ черезъ цѣлый рокъ. Та ци Господь Богъ на тото огтанокивъ праздники, оки грѣши? Тадь я такъ знаю, што праздники дѣла тогш, обы дѣши івои спасити. Но, краснш спасавтъ дакотри івои дѣши, коли на праздникъ по шанцамъ валахутися!

— Та ци мѣни ми по шанцамъ валахутися?

— Та на што токмите паленкѣ? вижд, што лишь дѣла тогш, обы по шанцамъ валахутися. Сй добрѣ бы бы чинили честни газдофе, кобы-сь-те штказалиса штъ негш пархи, наї бы пивъ самъ івою смердачѣ паленчищѣ.

— Сй, шй, яки вы дѣд мѣди, што звалася Стрѣль, та такъ тото мозъ безъ паленки праздновати?

— Такъ, што въ праздникъ треба до церкви ходити, Богѣ молитися; а не паленчищѣ жерти.

— Вижд, вы дѣд пришли оуже на дѣтинскій розумъ!

— Што не хочѣ, обы честни люде, за воначѣ збра-гѣ, къ ткою мошню пхали івои киркави крайцарики?

— Откажитися штъ негш честни люде! Заслуги будете мати оу Бога, кедъ завтра и не понюхаєте паленчищѣ.

— Но даешь по тридцать крайцаровъ литеў? сказалъ кирокъ, — кедъ не даешь, якось пробудеме про твою паленкѣ, и зачалъ штдалатися штъ жида — Обысьте ми ни єденъ не брали паленки; наї собѣ пье самъ!

— Н8, та кедъ оузє такъ хоцєте, наї б8де по тридцать країца р8въ літеръ; а оу когш не б8де грошей, дамъ за мѣрк8 в8са, хотъ за п8вмѣрки тенгерици.

— Н8 гл8хай, што не оумѣє проклатаий парада! — штозвалися Иванъ Закзатый, единъ изъ заможнѣйшихъ селанъ, — та ци ты Стр8лю не кољкъ бы сѧ Бога, взяти за літеръ имердачой паленчиши мірк8 в8са, а хотъ п8вмѣрки тенгерици?

— Эг€, ц8йса; та цей бы вы Иване хотѣли задаръ пити? Та що та оуцино съ такимъ, оу когш не є готовыхъ грошей?

— Ой, шй, Стр8лю, кољкъ-бисъ-са Бога за людск8 прац8; тадъ теперь мѣрка в8са кошт8 золот8вк8!

— Яйбо не такогш в8са такъ вашъ; оу васъ нигда и не было честногш в8са; вашъ и не овесъ, а полова; изъ вашогш треба три-четыри коблики на метеръ.

— Чортъ наї та морить, нехресте; рах8ися тамъ изъ людьми, такъ знаешь! — Докончикъ бирюкъ и громада зачала помал8 штдалатися шть корчмы.

— Коли оуже б8де оу васъ роз8мъ, честни люде, — зачаль говорити дѣдъ Данило, — такъ оуже гетъ штошли шть корчмы, — ци вы не кидите, такъ нехресты когатѣютъ изъ вашои працы, а вы изъ дна на день х8добнѣте? Яйбо, такъ бы могло иначе и быти, коли вы и киркавш заробленнїи грошики, и хлѣбецъ несете въ корчм8 за конач8 с8раг8! Оу васъ ни праздникъ, ни скадьба, ни крестини, ни комашна не може шбойти безъ паленчиши, ги коли бы паленка спасла оумершагш, та ги коли бы благій Господь радовався том8, коли люде Єгш шбожр8тися с8раговъ и потом8 ходатъ, такъ маслаговати рыбы. Та ци въ праздникъ Божій наї треба оупитися, и гнѣ-

кити Бога, ком'єто тогш, овы єшь хвалити? Я колько несчастья стаєся изъ за паленки! Яде недавниш сталося въ одномъ селѣ въ Оунгварскій варміди, што къ празднику люде гошлися въ корчмѣ. Оу корчмѣ витангшины оуте добра. Пили, попивали, наконецъ зачалася када, по кадѣ кѣйка, и єдногш забили на смерть. Сой того прекрасный праздникъ, коли дѣши гублатъ! Єдногш забили, а таки хъись тамъ запхали на шесть роківъ въ темницю. Я того кшитко зробила смердлача збрата! Миркѣйтѣ добри люде, овы іа завтра дашто и оу насъ не стало!

Когда дѣдъ Данило докончилъ свою бесѣду, на звѣстѣть (встрѣчѣ) громадѣ подходила Марья Варичирова, и клѣпнѣвъ на Ивана Завзатогш шепнула ємѣ въ оухо.

— Иканкѣ пилѣйтѣ вы домѣ, оу ваєь дороги гости: за Оленковъ пришли изъ С...ша скатачи.

— Митро Сєрбакѣвъ?

— Овдинъ, овдинъ, лишь пилѣйтѣ; ко знаете Оленка не дѣже дачить; та щи може покїсти мѣ дашто пртикное.

— Иканъ Завзатый шторвалка шть громады, и направилася домѣ.

Олена Ивана Завзатогш була перва въ цѣломъ Т... . Она була и богата и роботна, тай не запоздила и тамъ, где раздѣли країд. Ростомъ була она висока, лицѣ вѣленъкое и руманенъкое, такъ крокъ съ молокомъ. Очи голуби такъ небо, колосья богатое ясно жовтогш цвѣта. Ходила она вієгда чистенькш; руашка країнш покшиканя, ширинка червена, а ноги, и рѣки вієгда таки вѣленъки, такъ оу дакотрои кишаконки. Бывало, заспѣватъ, та такъ и заламдуются горы, погмотритъ на Ва-

силь Годногш івоими смѣтнш сим'ючими очами, та такъ и замираєть въ немъ сердце.

Василь Годний былъ тоже красивый парубокъ. Прякда, онъ былъ оукогій, рано остался сиротой; но зато честнш заряблалъ себѣ квіникъ хлѣба. Стъ малости слѣжилъ онъ оу Ивана Закзатогш; сперва ходилъ за колами, а позднѣйше стался первыми овчаромъ. Окрѣпъ и выросъ онъ по полонинамъ, видѣль такъ сходитъ рѣмансое солнѣчко, слышалъ такъ спѣваютъ кеселыя птички; не разъ смотрѣвъ въ очи блискавици, и тѣшился, коли гремѣло на небѣ и коли грохотъ грома разносился по дебрамъ и горамъ. Корнила онъ оурдовъ и молокомъ и да коли и скѣжилъ сиромъ, и штъ тогш сдѣлалъ онъ сильными парубкомъ, съ жилистыми рѣками, широкими плечами и простымъ высокимъ станомъ. Очи оу негш были кафыя, воловы темнїи, лицѣ смѣглое, маленькиш продолговатое съ орлинымъ ногомъ, подъ которыимъ ледва зачали брыскати темнїи оусики. Къ катаны онъ не сдался, бо коли разъ стинакъ бѣчка, шторвало ємѣдъ первый палецъ на правой рѣцѣ. Теперь оуже не ходилъ онъ съ овцями, а провадилъ оу Ивана Закзатогш все газдѣство.

— Оленко, — говорилъ онъ разъ дѣвцѣ свое газды, коли сесѧ принесла ємѣдъ на поле Ѵсти, — я бы тобѣ штось казавъ, — айбо я сирохманъ, а ты газдѣвська. — Я, — лѣпше замовчати. . . Лице єгш замѣтило, а въ очахъ явилися слезы. . .

Олена понѣрила свою крайнюю головку, а потомъ глянула на Васила івоими голубыми смѣтнш сим'ючими очами: только жалю и доброты было въ нихъ, что Василь никогда не могъ забыти тотъ взглядъ, — потомъ скорш изобразила єдинѣ и побѣгла домѣдъ. На пѣти роз-

гадовали она сокѣ, такій сесе Василь добрый, такъ онъ смѣтиш говорицъ, ба и не смѣкъ говорити . . . такъ менѣ жаль егш. . . .

Василь Годный изъ дна на день все лѣпше оукило-валаса оугаждати Оленѣ, то поможетъ ей накормити хѣ-докѣ, подонти коровы, то принесетъ ей тагодъ, яблокъ, то вынесетъ кмѣсто ней коды. Олена не могла не кидѣти, такъ ей оугаждаетъ Василь и приказанность ея къ Василю все лѣпше и лѣпше оукеличивалася.

— Олено, — сказаиъ Василь, коли іватачи и Митро Сербакѣвъ были въ хижѣ, — та ци пайдешъ ты за Митра? и очи егш такъ смѣтиш и проистельнш попози-рали на Оленѣ, что мало ей та сердце не разорвало.

— Нѣтъ, не пайдѣ, ни за што не пайдѣ; колѣкѹса оутопити, а щи не пайдѣ! — Сказала Олена и заль-лася слезами.

Иванъ Завзатый дѣже порадовалася гоітамъ; Митра Сербаковогш держали єдными изъ найпереднѣйшихъ сва-тачевъ. Отецъ егш Стѣфанъ Сербакъ быль богатый че-ловѣкъ, хлѣбъ присыпокаля, хлѣбъ оу негш были полны хѣдоковъ, а самъ жилъ на вогемъ коєминахъ, а кромѣ Митра не было оу негш больше дѣтей. Правда, Митро не быль красивый паробокъ, низенький, огладивий, пѣ-носый, съ маленкими очами и широкимъ ротомъ; но за то онъ быль всегда парадиш ѿдѣтый. На головѣ ноили мадарскій калапъ съ бокрѣтковъ, надѣвали оушъ, а на ногахъ были оу негш чоботы съ цифроваными пѣдковами. Быкало зайде до корчмы, закбрить цигардвъ, напьеся паленки, потовчеть жидувскія скланки, и всѣхъ пароб-кѹвъ покыганаєть изъ корчмы.

Якъ могъ іровнатися тихій Василь Годний съ Митромъ Сербаковимъ, коли оу негш була лише рдиска я крецаня, прогїн бочкоры; коли онъ нигда не кбривъ цигарбкъ; а були лише сирохманомъ и слогомъ?

Іванъ Закзатый далъ принести паленки, жонѣ розказавъ наладити мечници, стали гоститися.

— Я знаєшь што брате Іване, заговорилъ, якъ мало подкбрився Стєфанъ Сербакъ, ци не могли бы мы изъ івонхъ дѣтей оучинити єдинъ падр? Знаєшь брате, не хвалючися говорю, оу мене є што въ молоко кришити; тай, знаєшь, лише єднакъ, што мое, то и єгш.

— Ты чинишъ менѣ велику честь, Стєфане; кедъ и Богъ такъ хоче, я бы не гадавъ.

Митро лишь такъ жміоркнівъ на Оленѣ, котра поклбда и позирала на негш съ презрѣніемъ.

Стєфанъ съ Іваномъ попикковали и гокорили дале, якъ бы ладити свадьб.

— Намко, шепнла Олена своєй матері, што налько гокоратъ? Я за івѣтъ не пайді за ігш рапакогш грбкъ-ана. И вийшла конъ изъ хижини.

Въ ібнахъ вструбтила она Васила Годногш, который стоявъ якъ столпъ блѣдый, а по лицамъ лишь такъ текли оу негш слезы.

— Сой бѣда Олено, заговорилъ онъ, якъ вижд, ты мчишь ити за тогш пакді.

— Ни за што на івѣтъ! Знаєшь, што Василю: — я лишь за тебе пайді, за другогш ни за когш! Я бѣльше такогш честногш поробка не знаю, якъ ты.

Они ихъ кстрѣтилися, и они вичитали въ нихъ, что Богъ ютворилъ ихъ єдно для другагш. Не смотра

на кю бѣдѣ, котора имъ грозила, они чѣткоали себѣ
счастливыми.

Другагш днѧ былъ храмовыи праздникъ, память
Св. Василія и новый рокъ.

Раненько зазконили къ кенощномъ. Народъ зачалъ
сходитися до церкви. И гости Ивана Закзатагш штрафа-
вилися въ церковь. Оуже и Олена шдѣвалиса, коли отецъ
заговорилъ ей:

— Но, Олена, будемъ свадьбовати.

— Сй, налько голодкій, та за Сербака не пайді.

— Што-о-о? Не пайдешъ! Та когдъ чекашъ?

— Та ци хотѣли бы вы налько мене погубити?

— Погубити? Дорна дѣвко! тадъ тото богачъ,
єдинакъ!

— Єдинакъ, шибенакъ. Откѣчала Олена.

— Тадъ кедъ ты оудбрѣла, та теже налько разумъ!

— За Сербака, налько, єще никто доброе моко не
рюкъ. Што за хосенъ изъ егш богатства, кедъ онъ пьянни-
ца, лѣниухъ, грబіанъ, а така пасквя! — Не пайді, та
не пайді. Волѣвдса оутопити!

— Не сїди мна дѣвко! Та ци ты такъ слюдашъ
кѣтця?

— И вакъ налько все слюдала и будѣ слюдати, —
а за Сербака не пайді, бо и позирати на негш не могі.

— Охъ ты гадиначое насѣна, та ци такъ гово-
ришь кѣтцкови? Чекай лишь мна мало! И Иванъ Закзат-
ый подналъ на донъко рѣки.

Олена кыскочила изъ хижи, и тогш днѧ оуже не
верталася домъ, лишь по надъ вечеръ, коли хотѣло спо-
чити солице.

Божественнаѧ ѿтпрақа кончиласѧ на храмовыи празникъ торжественнѡ. Раненькѡ было кенощное, оутренѧ. По оутрени люди разошлися нагрѣтися по домамъ. Людей изъ чужихъ селъ домашнии газды простили до сеbe, дома радостнѡ пріймали, и что Богъ далъ, и чѣмъ могли, оугощали.

По цѣломъ селѣ заговорили, что до Ивана Закзатогѡ пришли скатачи, что Иванъ примѣшаетъ Оленкѡ ити за Митра Сербаковогѡ, что Олена не хочетъ ити, что оутекла изъ дома и хочетъ оутопитисѧ, и другія сейд подобныя сплетни.

— Иване, — заговорилъ дѣдъ Данило, вѣтрѣтикшикъ съ Иваномъ Закзатымъ, — на што ты примѣшешь свою донькѡ ити за Митра Сербаковогѡ, кедъ онъ юй не по сердцѣ?

— Та де она найде себѣ лѣпшогѡ жениха, сдѣть сама дѣдикѡ! штвѣчалъ Иванъ Закзатый.

— Юй тово найлѣпшій женихъ, когѡ она сама себѣ выберетъ.

— Погодхайте дѣдикѡ! Сеge бogaчъ єдинакъ, што має штецъ, тово вшитко буде сыново и Оленино; та ци не добра моя дѣвка, коли не хоче за негѡ ити?

— Та ци ты будешъ изъ Митромъ жити, ци Олена? Най она иде за такогѡ, котрый юй пристає идъ сердцу. И видѣвъ оуже бogaчкъ, котри вшитко богатство измарнили; а видѣвъ ємъ и хѣдокныхъ, котри змагалиса, и наконецъ побогатѣли. Вѣрь, Иване, счастка не тами, где богатство; а тамъ где успокой и любовь. Кедъ хочешь, обѣ твоа донька счастлика была, та выдарай ю за тогѡ, когѡ она сама хоче. Тадъ ячеј не хочешь донькѡ себѣ оутопити?

— Тадъ правда, правда; айбо и та не хотѣкъ бы, обы моа калѣчина ростекласа и промарнила.

— Кедъ не хочешь, та выбери честногш пароцка, который оумѣє газдовати, та который и тебе бude честокати! Я Митро, ты самъ знаешъ, любить гардш оукнаратиа, смачнш попоѣсти, цигарокы кбрити, и до корчмы заходить, тамъ іваколити, ба и битися. Я до роботы не конь такій охотникъ.

— Правдѣ кы говорите дѣдѣ; най камъ Богъ дастъ довгш пожити! Еще часъ, подѣмай; тадъ я еще не скажися съ Митромъ Сербаковымъ.

— Знаешъ што Иване, та такъ іджѣ, што для твоей Оленки лѣпшогш жениха не найдешь, такъ Василь Годный.

— Што кы говорите?! Газдукъкѣ дѣвкѣ за ідѣгѣ!

— Та ци не кѣрнш та іджить? ци не розумѣє до кїегш? ци не честдѣ та? Ай и на кидъ лишь не Митро Сербакукъ. Подѣмай Иване, кто та бude лѣпше честокати, такъ Василь! Тай, такъ ємъ оутамивъ, — и Оленка не рокнодѣшиа идъ немѣ.

Иканъ Завзатый не сказалъ ни слова. Стклонилася штѣ дѣда Данила и задумочица повернулась идъ своеимъ домѣ. Дома былъ онъ молчаливый и бездѣчиликий. Едва штѣкчалъ дѣдѣ три слова на беѣдѣ Стефана Сербаковогш. Оленки не было дома и сесе дѣже беспоконило Ивана Завзатогш.

Зазвонили на Божью іджебѣ; народъ пѣтился идъ церкви. Служебѣ Божью шѣправали торжественнш три івакшенники. Слово Божіе проповѣдалъ панъ отецъ изъ гоїднагш села. По іджебѣ былъ шбходъ колиш церкви, читалися Євангеліа; по шбходѣ панъ отецъ сталъ доразъ на кечерню, и подъ вечернею было мированьемъ Народъ ко-

гокойнш присутствовалъ Богомлженю, спѣвали прекрасно, къ часъ проповѣди такъ и кырывалися вздохи изъ груди расторганныхъ слышателей; въ часъ шедода церкви, коли читалися Евангеліа, многіе люди, оголениш женщины, ставали подъ Евангеліе, и измагалися дотлитися ко ів. Евангелію, чтобы избавитися шть недговъ іхъ. По штправѣ, каждая газдина измагалася приликати себѣ въ домъ гостей изъ сородничъ селъ, чтобы погостилися.

До полудна гостилися громадане честнш; но околш полудна зячали раздаватися головы спѣванокъ то изъ единогш, то изъ другогш конца села. Спѣканки повторали все частѣйше и наконецъ превратилися въ гойкъ и крикъ пьяныхъ жонъ и мдчинъ. Околш третьяагш часа послѣ полудна все село оуже было пъяно и стало подобно не христіанскому селу, а безбожной Содомѣ и Гоморрѣ. Тотъ народъ, который предъ полуднемъ въ церкви молилася благочестивш и спѣвалъ побожниш, — теперь походоживали къ корчмѣ, говорили безстыдныя рѣчи, и спѣвали скаржныя, бѣсокскія спѣванки. Тоты, котори предъ полуднемъ благоговѣйнш смотрѣли на Божественное штправѣ, — смотрѣли теперь съ жадными очами на корчмаря, и ледва дочековали, чтобы штибраль имъ лирикъ паленки. Кедь себѣ дакотрый въ церкви заслужилъ дашто предъ Богомъ, того теперь симѣючися штибраль шть негш діаколь. — Якъ бы говорилъ: хотъ есь и быль въ церкви, ты єднакш сложишь менѣ, ты єднакш мой!

Въ домѣ Ивана Закзатогш, между тѣмъ, происходило аттакое дѣло. Оленки не было дома, Стефанъ Себаквъ съ сыномъ Индромъ ждали штѣкста и ладилися къ шбрчинамъ. Иванъ Закзатый съ женою радилися што

имъ чинити? По надъ вечоръ пришла Оленка съ запла-
каными щами.

— Я де ты была дѣвонько? вопрошалъ отецъ.

Олена ничъ не шткѣчала; стала сюбѣ и позирала
въ окно.

И Василь Годный зашолъ до хижи. Митро Сербакъ
посмотрѣлъ на него презрительнш. Онъ зналъ, что
сердце Оленки тягнеть идъ нэмд. Очн Васила заніскрили-
са; но онъ не сказалъ ни слова.

— Часъ оуже, — началъ Стѣфанъ Сербакъ, шеврондк-
шилъ идъ Иванъ, — дай намъ слово; ци сѣно, ци голома?

— Каждый отецъ и матери, — заговорилъ торже-
ственнш Иванъ Завзатый — хотятъ ікон дѣти счастли-
выми видѣти. Я бы не бывъ отецъ, а вѣтчимъ, кобы
не хотѣвъ счастья своеї доньцѣ. Оленцѣ часъ штдава-
тися, и твой богатый сватачъ. Оленко ци хочешь ити за
Митра? Ци будешъ изъ нихъ счастлива?

— Не пойдё налько, за свѣтъ не пойдё; хоть забейте, не пойдё. Я и спередъ паномъ отцемъ повѣмъ,
што та его не хоче и жити съ ними не будё!

Очн Митра Сербаковогш загорѣли гнѣвомъ.

— Я не говгера (палачъ) своей доньцѣ, сказалъ
Иванъ Завзатый; примишовати ю не будё, токо и Богъ
заказде.

Олена благодарными очами посмотрѣла на своеї отца.

Иванъ Завзатый поставилъ передъ сеbe Оленъ и
Васила Годного.

— Дѣти, — сказалъ онъ имъ, — я вѣтмишъ,
што вы маєте даю одно на другое. Ты, Василю шть
молодости вѣрниш сдѣживъ мене, я на тебе такъ пола-
гавса, такъ самъ на себѣ; и ты Оленко была добровъ

дѣтиноў; а штъ вчора ходите вы, такъ бы не івои, и
жити вали непотрѣбно. Я васъ хочу оутѣшити. Кедъ лю-
битеся, най васъ Богъ благословить!

Василь и Олена заплакали штъ радости. Олена объ-
ала шею івоегш отца, и замикалася штъ плачъ сказала:

— Нанькъ! до смерти будеме за васъ Бога молити
и васъ слыхати.

Стефанъ Сербакъ съ сыномъ Митромъ посажили
за івоними калапами, и »безъ будьте здорови« высунулися
изъ хижи.

Въ селѣ доразъ заговорили, что Олена иде за Ва-
сила Годногш и что Митро Сербакъ пошолъ »съ дов-
гими ногомъ.«

Когда Стефанъ Сербакъ съ сыномъ встали въ
корчмѣ, вѣкъ засмѣялся имъ въ очи.

— Сой та, заговорилъ Гаврило Балагра, перкий
китаѣ въ селѣ Т., та ты дставъ довгій нѣсъ, анд
оукажи го! Сой мене бы лишь не вѣсивъ изъ сїда
єденъ сирохманъ!

Митро Сербакъ не штвѣчаль ни слова, лишь вы-
хиливъ блашкъ паленки.

— На штось и приходивъ до насъ, жебысь ишовъ
съ довгими ногомъ? Сой Митре цигаровы, бокрѣты, и
чоботы не тали идъ довгомѣ ногі! Бочкоры перемогли
чоботы. Сой, я бы не давъ изъ себѣ такій смѣхъ пѣчати!

Отозвалися и дрѣгіи паробки.

Слово по за слово . . Зачалися івада, посыпалися
лайки; паробки начали єденъ дрѣгомѣ говорити безчетиш.
Назвали єденъ дрѣгого: битангами, бетарлами, начали
цокикати.

Индро Сербаковъ не потерпѣлъ, въ немъ засыпала кровь, ударилъ Гаврила Балагора по лицу.

Зачалася бойка. Пьяни парубки ничь не позирали, взалися за флашки, гульцѣ, необакки явилися и сигары. Одномѣд провалили головы, другомѣд скрышили рѣки. Пользилась кровь.

Чортъ смилился и радовался, погадавъ себѣ: тадъ вы еднакш глѣжите минѣ; вы мои!

Явилися жандары. Сказали пьяныхъ збѣйниковъ; между ними и Индра Сербаковаго.

Дѣдъ Данило смигтиш позиралъ, коли жандары провадили сказаныхъ витязовъ, и сказаль про себѣ: Господи! размилуйся надъ симъ темнымъ народомъ! Дай, чтобы познали, что имъ на пользу, а что на погибель!

Панъ колгакирокъ щедрилъ безрѣдниковъ по на три добы въ арестъ.

Василь Годный необакки повѣнчался съ Оленовъ. Жили они въ любви, честовали іконы родичувъ, и каждый завидѣлъ имъ.



Что чѣвати въ Бѣдапештѣ.

— На діетѣ въ Бѣдапештѣ радуются надѣ тѣмъ, чтобы въ каждомъ селѣ былъ дѣтинскій пріютъ. Дѣти отъ 3. лѣтъ треба бѣде позношовать въ едно мѣсто, где бѣдѣтъ бавитиса, горорити по маджарски, и где надѣ дѣтьми бѣдѣтъ надзиристи маджарки, жесы съ ними не стгалосѧ дающее несчастье. — Та же теперъ изъ русиновъ лишь мѣсяцъ статися маджары!

